

характером сприйняття світу, в якому людина зовсім не є вищим творінням, її мета – не стати володарем світу, а злитися з ним, пізнаючи його, адже пізнання – це не просто оволодіння інформацією, а, в першу чергу, шлях морального вдосконалення, і даоська філософська спадщина у цьому процесі постає значимою і сучасною.

Бібліографічні посилання

1. Антология даосской философии [електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://ki-moscow.narod.ru/litra/zen/dao/dao.htm>
2. Антология мировой философии: Древний Восток [Текст]. – Мн.: Харвест; М., 2001 – 992 с.
3. Дао: Гармония мира [Текст]. – М. : Харьков, 2000. – 864 с.
4. Древнекитайская философия. Эпоха Хань [Текст]. – М.: Наука, 1990. – 523 с.
5. Лао-цзы. Книга пути и благодати (пер. И. С. Лисевича) [електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://www.universalinternetlibrary.ru/book/laotzi/1.shtml>
6. Пути обретения бессмертия: Даосизм в исследованиях и переводах Е. А. Торчинова [Текст]. – СПб.: Азбука классика, 2007. – 608 с.
7. Сакральный мистицизм Запада. Герменевтическая философия [Текст]. – М.: Беловодье, 2007. – 224 с.
8. Современный философский словарь [Текст]; 3-е изд., испр. и доп. – М.; Академический Проект, 2004. – 864 с.
9. Торчинов Е. А. Пути философии Востока и Запада: познание запредельного [Текст] / Е. А. Торчинов. – СПб.: Азбука классика, 2007. – 480 с.
10. Хайдеггер М. Отрешенность [електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000290/>
11. Экхарт М. Об отрешенности [електронний ресурс]. – Режим доступа : http://www.agnuz.info/tl_files/library/books/MeisterEckhart

Надійшла до редколегії 27.01.11

УДК 930: 336

Д. Е. Муза

Донецкий национальный технический университет

НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЯ К ЭКСПЛИКАЦИИ ГЛОБАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ ОБРАЗОВАНИЯ В АГОНЕ СОВРЕМЕННЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Розкриваються аспекти оптимальної стратегії освіти в контексті суперництва сучасних цивілізацій.

Ключові слова: цивілізаційний плюралізм, агон, світоглядні абсолюти, західна модель сайнтифікації освіти та її цивілізаційні альтернативи, діалог цивілізацій.

Раскрываются аспекты оптимальной стратегии образования в контексте соперничества современных цивилизаций.

Ключевые слова: Цивилизационный плюрализм, агон, мировоззренческие абсолюты, западная модель онаучивания образования и ее цивилизационные альтернативы, диалог цивилизаций.

An optimal strategy of education on agon the modern civilization's is opened.

Keywords: civilization's pluralism, agon, world-outlook absolute, the western civilization model of scientification by education and its civilization alternatives, dialog of its civilizations.

Проблема образования, с момента выхода специального доклада «Римскому клубу» – «Пределы обучения» (авт.: Д. Боткин, М. Эль-манджра и М. Малица – 1979 г.), приобрела ряд новых измерений. Не касаясь большей части из них, хотелось бы, тем не менее, затронуть один важный аспект. Речь идет о нынешней мир-системной ориентации государств в образовательной политике, в подвижной системе координат: с одной стороны – мейнстримных координат западной цивилизации как метрополии, воспринимаемых иными акторами в качестве универсальных; а с другой стороны, полупериферийных и периферийных, проступающих на палитре современной социальной жизни виде отсталых социокультурных сегментов.

Иначе говоря, современный мир структурирован как образовательно-воспроизводственная система, в которой доминируют западные образовательные институты и технологии, а периферийную зону составляют иные образовательные практики, в силу разных причин, пока не вовлеченные в рыночные игры. Перед нами, если воспользоваться выражением И. Валлерстайна, весьма «жесткая кориволинейная... иерархия» [1, с. 151], неизвестная историческим сиситемам прошлого.

Но если же встать на цивилизационную точку зрения, понимание ситуации заметно меняется. Цивилизационный плюрализм, порождающий реальные межцивилизационные отношения, можно квалифицировать как интересосоциальный агон, имеющий весьма неопределенные правила игры (если не считать таковой глобализацию как игру на понижение не-западных акторов) и ее достаточно проблематичные социокультурные результаты.

Поэтому, в статье предпринимается попытка: а) ревизии социокультурных оснований нынешней ситуации в образовании, взятых в прицел становления западного образования, науки и идеологии; б) обзора альтернативных, инспирируемых не-западными цивилизациями стратегий образования, где иначе ставится и решается задача по «выводу людей из незнания» и приданию их экзистенциальным траекториям ценностно-укорененной системы координат.

Не секрет, что многие современные государства мира, вопреки их цивилизационной природе и противоречивому историческому опыту предпочли ту историческую «ось», которую продуцировал Запад начиная с 1500 г. (К. Маркс, Э. Валлерстайн, У. Мак-Нил) и

вокруг которой он возводил структуру своей цивилизации. Вначале на этой «оси» была создана *цивилизация модерна*, коррелятом которой стало индустриальное общество, соответствующая ему парадигма культуры и антропологический тип; в конце XX в. начала формироваться *цивилизация постмодерна*, коррелятом которой является постиндустриальное, точнее – информационное общество, воплощающее себя в культурном постмодерне и консьюмерическом антропологическом сюжете. На этом пути – в режиме социокультурного пробабализма – были пройдены не только научная, промышленная и ряд научно-технических революций, но и последовательно обкатаны идеологии гуманизма и Просвещения, либерализма и марксизма. Теоретическая и физическая схватка двух ведущих идеологий модерна – либерализма и марксизма, воплощенных в двух социальных системах XX в., в двух версиях культуры и человека, окончилась планетарной победой трансформированного либерализма.

Акцентирование внимания на идейных поисках Запада представляется важной постольку, поскольку именно этот компонент цивилизационного устройства, представленный на уровне священного текста и раскрывающих его тезаурус цивилизационных институтов (церковь, семья, школа, искусство, наука, затем, политические и экономические институты), обеспечивает формат и бытийно-исторический вектор эволюции данной, равно как и всякой иной цивилизации [2, с. 324–327]. Не секрет, что западная цивилизация начала исторический цикл модерна с изменения текста (Библия уступила место «книге природы»); вместо *argumentum ex verbo* в оборот вошли *argumentum ex re*, возвела в непререкаемый авторитет один из базисных цивилизационных институтов – науку, и в соответствии с ее открытиями скорректировала собственную институциональную организацию и перестроила семантику образа жизни «инертного большинства». Между тем, свершившаяся научная революция генерировала идеологическую программу самообоснования, распространенную на сферы политики (Т. Гоббс, Дж. Локк, А. де Токвиль, Б. Констан), экономики (У. Петти, Ф. Кенэ, А. Смит), антропологии и образования (просветители Франции, Англии, Германии). Как показал С. Г. Кара-Мурза, представление о человеке (человек-атом), и представление об обществе (общество как агрегат «атомов») из мировоззренческих кластеров новоевропейской науки и философии, структурировали общее смысловое поле практики [3, с. 29–45]. Да и могло ли быть иначе, если «через научное производство проект предметной сферы (науки – Д. М.) впервые встраивается в сущее» [4, с. 46]?

Ниже я попытаюсь показать, что процессе конституирования образовательных моделей на Западе возобладала англосаксонская (либеральная) модель, исходящая из определенных мировоззренческих предпосылок. Именно они становятся главными звеньями бесprecedентной в истории попытки «расколдовать», а затем и попытаться осуществить «сборку» мира, для дальнейшего управления его процессами. Согласно М. К. Петрову, отождествляющему свою

позицію с материалистическим пониманием истории, у европейского человечества таких абсолюта— два: живущее поколение людей, наследующее результаты творчества предыдущих поколений и неподвластная человеку природа [5, с. 52]. При этом «третьих абсолютов», — быть не должно. Но для нас здесь интересно и другое его положение, в соответствии с которым именно англосаксонский либерализм, как продукт британской ветви развития науки, с определенного момента становится и фундаментом образования на самом Западе, и референтной моделью образования вообще. Этот факт он достаточно точно зафиксировал в понятии «экстенсивной модели онаучивания общества». Так, Петров обратил внимание, во-первых, на то, что «английское научное сообщество в муках и сомнениях «инструментально», в целях собственного преемственного расширенного воспроизводства, подходило к ребенку, как к абсолюту субъективной определенности, пытаясь направить его ментальное развитие к постижению «научного метода» и к стремлению стать ученым-исследователем»; во-вторых, он напомнил об Акте всеобщего и обязательного образования (1870), заметно отличавшегося по своим содержательным требованиям от Прусских «школ и казарм»; в-третьих, зафиксировал субъекта, выполняющего функции внедрения модели в ткань реальной жизни — Британскую Ассоциацию для Продвижения Науки в обществе [6, с. 608] (курсив мой — Д. М.).

В своем рафинированном виде «глобальный универсальный стандарт онаучивания общества», имевший соперников в виде французской, немецкой и в меньшей степени, в русской образовательных моделей, характеризовался прямым доступом к научной информации, гласностью, свободной миграцией исследователей к «местам появления интересующих их проблем» и определенной мерой времени (для овладения знаниями). Однако сама эта модель и ее параметры, как считал М. К. Петров, к концу XX в. оказались в глубоком кризисе. Спрашивается: в чем же корень данного противоречия? Не в том ли, что М. К. Петров обозначил в схеме мира присутствие третьего абсолюта, но который не только не поддержал собственный социокод, но и предпринял попытки его разрушения?

Выход из состояния кризиса, порожденного экстенсивной моделью, согласно М. К. Петрову — один: перейти на «интенсивную модель онаучивания общества», или, говоря другими словами, апеллировать к глубине «абсолюта субъективной определенности». На этом пути ему виделось спасение не только ситуации в образовании и науке, но и приведение «тезаурусной динамики», инициированной западной цивилизацией, к познавательно-практическому оптимуму. Данная модель у него характеризуется реализацией принципа синхронного параллелизма и созданием «учебника-терминала» [6, с. 638–655], в своей динамике универсализирующих опыт контактов человека с миром и систем его описания. Им же намечен иной путь интеграции стремительно растущих научных знаний в систему, причем, на базе страта интернациональной лексики в национальных тезаурусных континуумах.

Любопытно, что подобную версию процесса образования через онаучивание, в т. ч., со сходными хронологическими границами предложил немецкий социолог У. Бек. Описанные им *простое* и *рефлексивное онаучивание* различаются характером процесса: в первом случае наука прилагается к «данному» миру природы, человека и общества без «методического самоприложения научного сомнения»; во втором, онаучивание реализуется посредством рефлексии собственных продуктов, изъянов, проблем, а значит, оно не может не интересоваться «имманентными основами и внешними последствиями самой науки» [7, с. 236]. Проще говоря, если классическая и неклассическая наука были наивны в плане методической интервенции своих продуктов в социум, то современная, постнеклассическая наука — это генератор рисков и неопределенностей для социального бытия. Отсюда вытекает тенденция демонополизации познания [7, с. 247], которая, впрочем, порождена произошедшей в науке инверсией ее внутреннего и внешнего измерений. Дело, однако, в том, что сами социальные институты, в т. ч. наука и образование, прошли «крещение рыночной экономикой и демократией», которые представляются универсалистскими. Но они — варианты господства, то ли в форме «универсализма и неполноценности», то ли в форме «аналогичности и равенства» [8, с. 372]. Парадокс ситуации состоит в том, что воспитательные цели западной науки (образования), рынка и демократии, которые вообще не скрывают лидеры западной цивилизации, актуально репрессивны по отношению к природе и социальному окружению. Недаром сам У. Бек говорит о рисках этого альянса.

В подходе же М. К. Петрова, этот феномен представлен через трансмутирующе-познавательные плюс трансмутирующе-деятельностные аспекты, характерные для западной, но и для всякой другой цивилизации. Но они привязаны к социокоду, а через него — к типам, объектам и субъектам кодирования. При этом, детерминистской схеме мира соответствуют универсально-понятийный тип кодирования, который соотносим с европейской культурной традицией (читай: англосаксонской science, в меньшей степени, немецкой Wissenschaft и русской наукой). Но здесь есть одно «но», которое заставляет пересмотреть устоявшийся взгляд на соотношение науки и идеологии.

Если объектом кодирования выступает человек-атом, или «абсолют субъективной определенности», который путем научения предмету и методам науки, с последующим включением в производство становятся субъектом кодирования, то спрашивается: на чем основывается эта определенность, тем более, что до поры — до времени этот «абсолют» непрозрачен сам для себя?

Ответ здесь может быть таким: именно на основе торжества западной рациональности, воплощенной в его, Запада, духе науки и техники, «магии» рынка и демократии, Всеобщей декларации прав человека, наконец, образовании и культуре, сейчас многими субъектами, в т. ч. Украиной, сделан выбор вектора цивилизационного развития.

Но зададимся более общим вопросом о том, какую именно образовательную стратегию (имплицитно или эксплицитно) имеет

постсовременный Запад, и которая, по-видимому, воплощает его исторические, а значит, технико-технологические, экономические и культурно-антропологические преимущества?

Здесь любопытны несколько штрихов к портрету этого «абсолюта», который должен быть адекватно воспринят в интерьере детерминистской, квазидетерминистской и индетерминистской мировоззренческих схем. В контексте детерминистской схемы мира: поскольку пространственно-временные законы вселенной полны, рождается «убежденность в том, что психические явления и связи между ними в конечном счете можно... свести к физическим и химическим процессам, протекающим в нервной системе» – А. Эйнштейн [9, с. 321]. В контексте квазидетерминистской схемы, где допустимы статистические погрешности (неполный детерминизм), в т. ч. в виде фрейдовского допущения о бессознательном, возникает: «нервная система и автоматическая машина в основном подобны друг другу в том отношении, что они являются устройствами, принимающими решения на основе ранее принятых решений» – Н. Винер [10, с. 39]. Наконец, в рамках индетерминистской схемы, пририсованной и в рамках постнеклассической науки, и в ряде дискурсов постмодерна, дана новая формула бытийной схемы для субъективного абсолюта, выводимой не из «таксиса» (заданного порядка), а из «космоса» (порядка, возникающего благодаря спонтанности). При этом легитимность спонтанного порядка обеспечена онтологически – свободным человеческим действием, социологически – через действие рынка как единственного, хотя и иррационального способа интеграции разобщенных индивидуумов, и через право – защитой лишь некоторых его, человека, ожиданий [11, с. 70–81, 134–168; 12, с. 85–128]. Но по настоящему революционной тут является идея о том, что общество нормально функционирует тогда, когда за него никто не ответственен (!). В этой связи, указывает А. де Бенуа, «человеческая свобода, реализованная в никем не контролируемом обществе, по существу означает бессилие и покорность человека обществу, которое дало ему свободу» [13, с. 96].

Вместе с тем, тезис о том, что «хаос уже перестал быть главным врагом рациональности, цивилизации, рациональной цивилизованности и цивилизованной рациональности», поскольку он больше не ассоциируется с «воплощением сил не тьмы и невежества, которые поклялись уничтожить эпоха модернити» [14, с. 50], нуждается в своей конкретизации. За всем этим, по нашему мнению, стоит процедура подчеркнутой научной редукции любых объектов, попадающих в поле зрения науки как сугубо рассудочного проекта западной цивилизации. Разумеется, в этом поле зрения должен был оказаться и оказался сам человек, к которому применима процедура стерилизации, реализуемая в механистической и последующей картинах мира, вплоть до варианта его, человека, «присутствия» в антропном принципе. Причин такого положения дел несколько, но одной из главных можно признать «геометрическое мышление» (А. Эйнштейн) новоевропейской и всей последующей научной традиции, на которой основывалось образование с его моделями онаучивания.

Как результат, человек и его мир – в контексте развития трех мировоззренческих схем – предстают сквозь призму двух методик: *организационно-упорядочивающих* и *манипулятивно-достижительных*. Технологичности «как должно», «как нужно» и «как хочется» – вершины мировоззренческих и образовательных поисков в этом направлении.

Но если универсализация последней технологии уже состоялась (что видно хотя бы на примере украинского сегмента общества потребления), то спрашивается: не ведут ли *hige-hume* к возникновению *дивидуума* (А. Г. Дугин), который и видится новым неодолимым этапом в игре цивилизаций по правилам Запада? Игре, нужно заметить, вначале созданной под индивидуума [15, с. 458], а теперь, похоже, трансформированной под стремительно регрессирующего в непредсказуемый и безответственный драйв дивидуума, этого случайного сочетания симуляций, фракталов, пизонности, перформансов, пастиша и т.д. В этой связи целесообразно озабочиться вопросом о том, какую мировоззренческую, ценностную и антропологическую альтернативы «западоиду» (А. А. Зиновьев) могут предложить иные цивилизации, в т. ч. на уровне образования?

Итак, если западная схема спонтанного порядка с присутствующим в ней субъективным абсолютот сейчас выброшена на поле межцивилизационных взаимодействий как нормативная, то что именно можно ожидать от нее в антропологическом и собственно цивилизационном аспектах?

Отвечая на этот вопрос, вспомним о том, что одной из первых цивилизаций, принявших на себя «удар» онаучивания, была русская цивилизация. Если обратить взгляд на русскую науку как цивилизационный институт, то непременно возникает ассоциация с идейным наследием В. А. Жуковского, Н. В. Гоголя, славянофилов, Д. И. Менделеева, И. П. Павлова, В. И. Вернадского, Н. Н. Моисеева, Б. В. Раушенбаха, Ю. А. Жданова и др. Однако культурная радиация Запада вызвала весьма интересные ответные реакции: от крайнего славянофильства – до крайнего западничества. Свою реакцию в этом многоголосии выработал и академик В. И. Вернадский.

Хотя сам В. И. Вернадский – на первый взгляд – наследник и апологет сугубо детерминистской схемы мира, в нее им были внесены некоторые существенные, причем, аксиоматические поправки. Они касаются абсолюта творческой научной личности, университета как оптимальной формы проявления творческой энергии, государства как института, стимулирующий рост народного просвещения и благосостояния, самого народа и производительных сил природы. Данные поправки внесены им не единожды: первый вариант относится к 10 – 20-е гг., второй к 30–40 е. гг. XX ст.

В этой связи важно обратить внимание на то обстоятельство, что «научная мысль... создается *живой человеческой личностью*, есть ее проявление. В мире реально существуют только личности, создающие и высказывающие научную мысль, проявляющие научное творчество – духовную энергию» [16, с. 233] (выделено мной. – Д. М.). Далее следует подчеркнуть, что во время своего пребывания в Крыму (= время экзистенциального пика) В. И. Вернадский так характеризовал положение и

задачи Таврического университета: «В настоящее время (14/27 октября 1920 года. – Д. М.) это единственный свободный русский университет, в котором полностью сохранена автономия, и именно ему надлежит заботиться о возрождении научной работы и воссоздании высшей школы на всей территории России по мере ее освобождения» [17, с. 110]. При этом, Таврический университет, кроме задачи «возрождения научной работы» и «воссоздания высшей школы» в России, обязан «немедленно содействовать правительству в правильном использовании производительных сил природы» [17, с. 110]. Как видим, здесь нет одномерного англосаксонского детерминизма, как нет подчинения устрашающей воле большевиков. Напротив, человеческой личности поручено ответственное соиздание научного, естественного и общественного порядков бытия, на основе сознательно генерируемой духовной энергии. И на этом, «узком пути», как в свое время отмечала С. Г. Семенова, личности необходимо отказаться от «безграничной «низшей свободы» следования всем своим побуждениям и желаниям, а развивать свою природу во благо другим» [18, с. 235–236].

Конечно, речь идет ноосферной перспективе, в рамках которой становится возможным окончательное рождение подлинных абсолютов – человеческой личности и человечества. В статье «Несколько слов о ноосфере» Вернадский прямо говорит о «перестройке биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого» [19, с. 509], которая подразумевает ряд гармонизирующих шагов общепланетарной ситуации. Но сегодня она развивается через процессы глобализации, активизируя старые и порождая глобальные проблемы. Процессы, нужно заметить, далеко отстоящие от ноосферного идеала как такового, и, прежде всего, в плане его институционализации на самом Западе [20, с. 175–208].

В таком случае нужно задаться вопросом об альтернативах западному глобальному проекту, методично редуцировавшим собственные абсолюты, не говоря уже об абсолютатах иных цивилизаций. Этот вопрос тем более важен, поскольку история не пришла к своему концу (Ф. Фукуяма), «рыночный» и «виртуальный рай» оказались банкротами перед стоящей задачей ноосферогенеза. Разумеется, эти задачи не по плечу западным образовательным институтам, обслуживающих, повторюсь, рынок, «прогрессирующего» дивидуума, и мир зазеркалья (Internet).

Поэтому, имеет смысл остановиться на таких моделях взаимодействия современных цивилизаций как: 1) *взаимодействия*; 2) *дополнительности*; 3) *альтернативности*, при доминировании в современных мировых делах третьей, сугубо агональной модели, которую, как известно, очертил С. Хантингтон. Но с другой стороны, известно, что западные цивилизации пошли по пути догоняющего развития (хотя и не все в равной степени здесь преуспели), и сегодня большинство из них пытается выстроить баланс между западными технологиями, рынком и демократией, – с одной стороны, и автохтонными институтами, традициями и психологией, – с другой.

Итак, если оконтурить позицию китайской (конфуцианской) цивилизации, то здесь нужно выделить: при сохранении родимых пятен

социализма, ограниченной государственным регулированием сферы рыночного хозяйства, довольно последовательную позицию в воспроизводстве цивилизационных институтов и образа жизни имеет исходный цивилизационный текст – китайское Пятикнижие (У-Цзин) и трактаты Конфуция. Идея «общества сяокан» («уютного для жизни») и «упорядоченного» общества строится на цивилизационном превосходстве государства; опирается на ценности мира, порядка и традиции; через ритуал культивирует принципы иерархии, актуальности прошлого и этического центрирования жизненного процесса [21]. При этом, все цивилизационное целое, как и институт образования получают свою легитимацию посредством «конфуцианского знания»: мудрецы прошлого оставили тексты, в которых содержатся рецепты на все случаи жизни. В таком случае перед нами далеко не-научная, а этико-административная сборка мира, имеющая свои собственные, не редуцированные модернизацией и вестернизацией абсолюты.

Жизнь исламской цивилизации также отличается умеренным отношением к методам и ценностям модернизации, поскольку в исламских обществах по-прежнему работает принцип всеобщности и нераздельности религии и общественного бытия [22, с. 115 и сл.]. Из него вытекают следствия практического характера, касающиеся всей цивилизационной системы: науки, искусства, школы, семьи, а также политики, экономики и образа жизни. Разумеется, от страны к стране их содержание варьируется, в т.ч., под воздействием прагматизма пришедшего рынка (как в ОАЭ) или специфической формы демократии (как в Турции), но смысл всем без исключения процессам, включая производство человека как идеального мусульманина (=пророка Мухаммеда), придает духовная традиция. По мнению исламоведа А. В. Малашенко, сейчас исламская цивилизация, как никогда ранее, обладает вполне конструктивным «пунктиром» в виде солидарности мусульман от Ближнего Востока до Индонезии, от Северной Африки до Северного Кавказа и Казани, не говоря уже о весьма внушительных диаспорах по всему миру, включая Запад [23, с. 37–43]. При этом идея мусульманской солидарности с завидным постоянством поддерживается на образовательном уровне, не говоря уже о факторах нефти и демографии, которые ее стимулируют, как считают сами мусульмане, по воле Аллаха.

Положение индийской цивилизации, напротив, аудировается и оценивается в гибридных категориях: с одной стороны, в Индии и государствах, тяготеющих к ее цивилизационному коду, просматривается схематика, включающая традиционное представление о доминантных путях совершенствования (самосовершенствования) человеческой психики; с другой стороны, отмечается ряд тенденций, проникших в «ДНК индийской культуры», среди которых назовем практическую хватку, ориентацию на рыночные механизмы, упоение современной техникой и технологиями [24, с. 169–182]. Отсюда переориентация цивилизационной инфраструктуры (50% – производство услуг, 25% – индустрия, 25% – сельское хозяйство [24, с. 152]) на человеческий капитал, осмысливаемый в синкретической системе координат.

В свою очередь, большинство стран, представляющих латиноамериканскую цивилизацию, находятся в бинеме «зависимость – освобождение» [25, с. 471]. Последнее означает, что структурная перестройка цивилизации осуществляется по нескольким направлениям: формирования прогрессивного и национального капитализма; усиления влияния «геологии освобождения», связываемой с конкретным социальным контекстом; некоторым ренессансом коммунистической идеологии; реализации интереса к технологической и информационной революциями. Но главное противоречие состоит в перекрещивании двух путей: постколониальном восстановлении цивилизации на автохтонной либо сугубо западной основе. В целом, алгоритм жизни этой цивилизации отличает неопределенность, которая распространяется на образовательный сюжет в полной мере. Правда, нужно заметить, что представители этой цивилизации, прежде всего – Бразилия, находящаяся под впечатлением инициативы Испании и примкнувшей к ней Турции, относительно создания «Альянса цивилизаций» [26, с. 32–38]. Данная инициатива, помимо прочих фундаментальных вопросов взаимодействия цивилизаций, подразумевает выработку совместных образовательных проектов, оппонирующих существующие западнцентристские, секулярно-прагматические модели образования. Тем самым, в формирующемся глобальном сознании, наконец-то возникла идея востребованности этических основ мировых религий и цивилизационного опыта воспроизводства людей в иных, нежели самодовлеющий Запад, эколого-социальных условиях.

Кроме того, говоря о модуле межцивилизационного диалога, нужно упомянуть конкретные предложения глобальных институтов, направленные на налаживание социокультурного партнерства цивилизаций. Так содержательную определенность имеют следующие глобальные проекты: 1) разработка глобального прогноза ООН «Будущее цивилизаций»; 2) создание научно-образовательного портала «Новая парадигма»; 3) разработка Всемирного научного наследия (наряду с природным и культурным, уже осуществляемым ЮНЕСКО); 4) организация образовательных систем нового типа для достижения целей тысячелетия; 5) развитие цивилизационного туризма; 6) создание просветительской организации «Светочи добра», призванной популяризировать и распространять ценности гуманистической этики [27, с. 253–261]. Тем не менее, эти мероприятия – только начало пути к созданию полноценной образовательной стратегии для глобального мира.

Подытоживая, можно сказать, что нынешняя ситуация, если интерпретировать ее посредством диалога (полилога) цивилизаций, дает дискретному человечеству шанс сформировать принципиально новую стратегию образования, не отягощенную заблуждениями Запада. К нужно отнести те «абсолюты», культивирование которых обернулось не только монологом западной цивилизации, но и редукцией мира к «зоне охоты».

Библиографические ссылки

1. **Валлерстайн И.** Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация [Текст] / И. Валлерстайн. – М.: Т-во научных изданий КМК, 2008. – 176 с.

2. **Соколов С.В.** Социальная философия: Учеб. пособие для вузов [Текст] / С. В. Соколов. – М.: Юнити-Дана, 2003. – 440 с.
3. **Кара-Мурза С. Г.** Идеология и мать ее наука [Текст] / С. Г. Кара-Мурза. – М.: Алгоритм, 2002. – 256 с.
4. **Хайдеггер М.** Время картины мира [Текст] / М. Хайдеггер // Время и бытие: Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – С. 41–62.
5. **Петров М. К.** Язык, знак, культура [Текст] / М. К. Петров. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1991. – 328 с.
6. **Петров М. К.** История европейской культурной традиции и ее проблемы [Текст] / М. К. Петров. – М.: РОССПЭН, 2004. – 776 с.
7. **Бек У.** Общество риска. На пути к другому модерну [Текст] / У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
8. **Бек У.** Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономика [Текст] / У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция; Изд. дом «Территория будущего», 2007. – 464 с.
9. **Эйнштейн А.** Физика, философия и научный прогресс [Текст] / А. Эйнштейн // Собрание научных трудов : в 4 т. – М.: Наука, 1967. – Т. 4: Стати, письма, рецензии. Эволюция физики. – С. 316–321.
10. **Винер Н.** Кибернетика и общество [Текст] / Н. Винер. – М.: Тайдекс Ко, 2002. – 184 с.
11. **Хайек Ф. А.** Право, законодательство та свобода: Нове викладення широкіх принципів справедливості та політичної економії : в 3 т. [Текст] / Ф. А. Хайек. – К.: Сфера, 1999. – Т.1: Правила та порядок. – 196 с.
12. **Хайек Ф. А.** Право, законодательство та свобода: Нове викладення широкіх принципів справедливості та політичної економії : в 3 т. [Текст] / Ф. А. Хайек. – К.: Сфера, 2000. – Т. 3: Політичний устрій вільного народу. – 252 с.
13. **Бенуа А. де.** Хайек: закон джунглей / А. де Бенуа // Против либерализма: (к Четвертой политической теории). – СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2009. – С. 87–97.
14. **Бауман З.** Индивидуализированное общество [Текст] / З. Бауман. – М.: Логос, 2002. – 390 с.
15. **Бейтсон Г.** Корни экологического кризиса [Текст] / Г. Бейтсон // Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. – М.: Смысл, 2000. – С. 454–459.
16. **Вернадский В. И.** Мысли о современном значении истории знаний [Текст] / В. И. Вернадский // Избранные труды по истории науки. – М.: Наука, 1981. – С. 229 – 242.
17. **Филимонов С. Б.** Беседа корреспондента газеты «Юг России» с академиком В. И. Вернадским [Текст] / С. Б. Филимонов // Интеллигенция в Крыму (1917 – 1920): поиски и находки источникововеда. – Симферополь: ЧерноморПРЕСС, 2006. – С. 109–111.
18. **Семенова С. Г.** Активно-эволюционная мысль Вернадского [Текст] / С. Г. Семенова // Прометей: Ист.-биограф. альм. сер. «Жизнь замечательных людей» / Сост. Г. Аксенов; Науч. ред. И. И. Мочалов. – М.: Мол. гвардия, 1988. – Т. 15. – С. 221–248.
19. **Вернадский В. И.** Несколько слов о ноосфере [Текст] / В. И. Вернадский // Философские мысли натуралиста. – М.: Наука, 1988. – С. 503–512.

20. **Муза Д. Е.** Введение в глобалистику: учебное пособие [Текст] / Д. Е. Муза. – Донецк: Ноулидж (Донецкое отделение), 2010 – 240 с.
21. **Седнев В. В.** Цивилизационная модель современного Китая [Текст] / В. В. Седнев // Цивилизационная структура современного мира. – К.: Наукова думка, 2008. – Т. 3: Цивилизации Востока в условиях глобализации. Кн. II. Китайско-Дальневосточный цивилизационный мир и африканская цивилизационная общность. Глобальные трансформации и уроки для Украины. – С. 67–136.
22. **Василенко И. А.** Политическая глобалистика: Учебное пособие для вузов [Текст] / И. А. Василенко. – М.: Логос, 2000. – 360 с.
23. **Малашенко А. В.** Исламская альтернатива и исламский проект [Текст] / А. В. Малашенко; Моск. центр Карнеги. – М.: Весь мир, 2006. – 221 с.
24. **Закария Ф.** Постамериканский мир / Ф. Закария. – М.: Европа, 2009. – 280 с.
25. **Ларин Е. А.** Всеобщая история: латиноамериканская цивилизация: Учеб. пособие [Текст] / Е. А. Ларин. – М.: Высш. шк., 2007. – 494 с.
26. **Яковлев П. П.** Столкновение и альянс цивилизаций? Новые вызовы международному сообществу [Текст] / П. П. Яковлев // «Альянс цивилизаций» (трудный диалог в условиях глобализации) : Сборник материалов «круглого стола» / Отв. ред. П. П. Яковлев. – М.: ИЛА РАН, 2010. – С. 19–42.
27. **Осипов Г. В.** Перспективы социокультурной динамики и партнерства цивилизаций [Текст] / Г. В. Осипов, Б. Н. Кузык, Ю. В. Яковец. – М.: ИНЭС, 2007. – 416 с.

Надійшла до редколегії 19.01.11

УДК 37.012:101

И. Г. Мысык

*Южноукраинский национальный педагогический университет
имени К. Д. Ушинского*

СПЕЦИФИКА ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ В АСПЕКТЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Розглянута специфіка філософствування як єдність теоретичної рефлексії і найвищих форм пізнавальної діяльності, що відображають життєвий світ суб'єкта освіти.

Ключові слова: найвище філософствування, освіта, мовна особистість, пізнавальна діяльність, рефлексія.

Рассмотрена специфика философствования как единство теоретической рефлексии и наивных форм познавательной деятельности, отражающих жизненный мир субъекта образования.

Ключевые слова: наивное философствование, образование, языковая личность, познавательная деятельность, рефлексия.